

С.А. СТУРЕЙКО

**ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИЗАЦИИ ВЫНУЖДЕННЫХ МИГРАНТОВ
В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ**

Рассматривается теоретико-методологическая основа понятия «беженец» с точки зрения социально-культурной антропологии. Междисциплинарный подход данной науки позволяет сконструировать базовую модель анализа ситуаций вынужденного перемещения.

The article is devoted to methodological basis of the term «refugee» from the perspective of social and cultural anthropology. Such interdisciplinary approach helps us to construct the basic model for the case study of forced displacement.

Проблема беженцев и вынужденных мигрантов – одна из ключевых гуманитарных проблем. На ее решение нацелены колоссальные силы мирового научного сообщества. Республика Беларусь, являясь страной-учредителем ООН, а также ставшая убежищем для нескольких тысяч мигрантов¹, должна уделять внимание теоретическому исследованию данного вопроса. Одной из наиболее слабо разработанных проблем перемещения выступает выработка интегрированной типологизации беженцев на основе методологических достижений психологии, социологии, философии, политологии и, конечно, исторических дисциплин. Решению данной междисциплинарной проблемы должно предшествовать изучение и сопоставление различных теоретических подходов, возможное, пожалуй, только в контексте социально-культурной антропологии. Цель данной работы – концептуальное обобщение материала на основе новейших работ западных авторов и исследователей с постсоветского пространства, а также выработка эталонной модели анализа конкретных случаев перемещения.

В современном международном праве термин «беженец» является строгим, конкретным по своему характеру. Его содержание по сравнению со словом «беженец», которое мы используем в повседневной жизни, намного уже². В контексте данной проблемы беженец (вынужденный мигрант) – это любой человек, который спасается бегством от обстоятельств, угрожающих его личной безопасности и безопасности членов его семьи.

С точки зрения антропологии достаточно сложно проводить обобщения и рассматривать всех перемещенных лиц в мире в целом, поскольку существует масса внутренних различий

между типологическими группами перемещенных лиц. Так, например, сотрудники международных гуманитарных организаций, занимающиеся проблемами беженцев, часто оперируют методологически неверным словосочетанием «они потеряли все». Это определение служит мотивом множества гуманитарных интервенций, однако одновременно нивелирует культурную историю и идентичность беженцев, отказывает им в возможности самостоятельного решения кризисных явлений и поиска собственных стратегий жизнеобеспечения. Другими словами, мигранты преимущественно определяются в терминах «жертвы» и «бенефициарии», а не «люди» и «акторы». Антропологи стремятся видеть в мигрантах людей с активной жизненной позицией³.

Применение методов антропологии позволяет говорить о проблемах беженцев в более широкой перспективе. Имплицитные наблюдения некоторых исследователей свидетельствуют о том, что часто при интервьюировании беженцев представители гуманитарных организаций невольно сосредотачивают свое внимание только на определении соответствия нужд беженца мандату их организаций. Это вызывает упущение массы иной ценной информации, передаваемой беженцем. Кроме того, в местах перекрестной деятельности нескольких организаций у беженцев выработалась самостоятельная стратегия прохождения собеседований. Они приблизительно знают, что ожидают услышать от них представители Фонда ООН помощи детям (ЮНИСЕФ), Международного комитета Красного Креста, УВКБ ООН, и потому со своей стороны стремятся излагать ситуацию максимально эффективно, имея в виду получение гуманитарной помощи. Чтобы избежать

подобных казусов, необходимо выработать новые методики проведения интервьюирования.

Принудительным перемещением затрагиваются не только религиозные, этнические, гендерные и политические типы идентичности, но также и стратегии жизнеобеспечения беженцев. В то же время в некоторых исследованиях доказывается, что принудительное перемещение не является основополагающей осью идентичности и в большинстве случаев выступает вообще третьестепенным аксиологическим фактором.

Одна из принципиальных ошибок представителей гуманитарных организаций, а вслед за ними и множества исследователей – восприятие конфликта и последовавшего за ним перемещения как главной причины человеческих проблем. Перемещение представляется им самым значительным событием в жизни человека. Отсюда возникает методологическое положение, что перемещение – это временное отклонение от нормальной жизни, следовательно, все перемещенные стремятся к возвращению или переселению. Однако на жизненную позицию конкретного человека влияет и множество дополнительных факторов.

Понятие перемещения необходимо рассматривать в каждом случае в рамках культурных установок соответствующих этнических групп. В них понятие дома, базового для европейского восприятия перемещения, может быть весьма относительным. «Домом» может быть сообщество беженца, его деревня, место, откуда он и его родственники происходят, основа, на которой базируется его идентичность. Для многих дом – это вообще категория, которая обладает характеристикой непрерывной конструкции, основываясь при этом в большей степени на возможностях будущего, нежели на опыте прошлого. Поэтому, когда мы рассматриваем перемещение как отклонение, многие беженцы на самом деле рассматривают его как возможность для перемен. Они смотрят не только в прошлое, но и в будущее, планируют его исходя из собственной системы ценностей.

Исследователи привыкли определять жизнь беженца как сумму сфер его жизни (экономическую, социальную, культурную и т. д.), описывать и интерпретировать его активность именно сквозь призму этого членения. Между тем, например, «плетение корзин и продажа их на рынке» рассматривается не только как экономический процесс. Оно также может свидетельствовать о стабильности стратегии жизнеобеспечения перемещенного, для которого данный заработок является постоянным и привычным на протяжении всей жизни. Также это может говорить о трансформации социальной роли человека, о его взаимоотношениях в сообществе. Это может быть регрессом, а может быть результатом получения беженцем новых профессиональных на-

выков и рассматриваться им самим как ощутимый прогресс. Можно подходить к изучению этого процесса с точки зрения гендерных взаимоотношений. В этом смысле экономические последствия процесса окажутся подчинены социальным ценностям⁴.

Также не должна оставаться без внимания и способность беженцев к адекватной самооценке и анализу ситуации и рисков, построению прогнозов, способность черпать достоверную информацию из неформальных источников.

Адаптация беженцев осложняется такими дополнительными барьерами, как социальные, социально-экономические, социокультурные, правовые, этнические. В применении к вынужденным мигрантам социальная адаптация может пониматься как установление оптимальных отношений с социальными институтами, органами власти на территории проживания, закрепление тенденции к партнерским отношениям с другими группами на основе выравнивания показателей их социального и экономического состояния, нормализация психологического самочувствия мигрантов на основе принадлежности к местному сообществу, осознания и принятия разделяемых им ценностей, убеждений, норм⁵.

В зависимости от доминирования той или иной группы адаптационных факторов можно выделить различные типы адаптационных стратегий: добровольное, пассивное, регрессивное адаптационное поведение; добровольное, активное, прогрессивное адаптационное поведение; вынужденное, активное, прогрессивное адаптационное поведение.

Процесс социальной адаптации беженцев характеризуется двумя противоречиями: 1) низкая степень участия местных властей в процессе адаптации противоречит потребностям мигрантов и местного сообщества; 2) беженцы и вынужденные переселенцы ожидают от местного сообщества большей степени участия в процессе их социальной адаптации, чем позволяет уровень готовности самого местного сообщества.

По мнению исследователя А.А. Алексеенко, процесс социальной адаптации большинства беженцев и вынужденных переселенцев, связанный с нарушением социальных связей и маргинальным статусом, завершается в течение вполне определенного срока, не превышающего 5–7 лет, а сами мигранты достигают высокой степени социальной мобильности⁶.

Одно из ключевых понятий социально-культурной антропологии – стратегия жизнеобеспечения. У мигрантов она находится в большой зависимости от новых местных условий. Воздействие беженцев на экономику территории своего пребывания может быть двояким. С одной стороны, имеются положительные тенденции. Подобно угандийцам в Южном Судане, беженцы могут внедрить новые сельскохозяйственные культуры

и увеличить сельскохозяйственное производство в районах своего обитания. Есть и негативное влияние: рост конкуренции в таких областях, как трудоустройство, образование и здравоохранение, а также в сфере обеспечения основными товарами потребления – продовольствием, дровами, питьевой водой и строительными материалами⁷.

Для преодоления экономических барьеров и дискриминации мигранты используют стратегию «анклавной экономики», регулирующую отношения мигрантов между собой через систему обычаев и традиционных норм, а также их экономическое взаимодействие с населением принимающего общества. Эффект «анклавной экономики» характеризует структуру взаимодействия мигрантов в иноэтничном окружении в ходе формирования новых связей.

В объяснении экономического поведения мигрантов важную роль играет понятие «община». Поскольку, по данным английских исследователей, этнические меньшинства пространственно концентрируются в соответствующих депривированных городских районах, община необходима для регулирования отношений между мигрантами и местными жителями, в частности, она определяет возможные виды трудовой деятельности и оказывает влияние на миграционный поток. Вместе с тем община способствует адаптации мигрантов к новым условиям через социальную сеть. Мигранты включаются в существующую систему отношений, основанную на доверии и эмоциональной сплоченности.

Разветвленная сеть, необходимая для интеграции мигрантов в новые условия и направленная на поддержание и сохранение обычаев, языка, традиционной культуры, приводит к созданию социальных сетей. Это организации нескольких семей, способствующие сохранению этнического своеобразия группы путем поддержания традиционных форм поведения и помощи в поиске брачного партнера из среды «своих»⁸.

Согласно представлению, которое сложилось у общественности под влиянием гуманитарных организаций и СМИ, типичный беженец – это бедняк сельского происхождения, живущий в лагере. Однако существует еще и понятие «городской беженец». Городские беженцы являются выходцами из групп, имеющих долговременную привычку к миграции в связи с их ремеслом и поэтому обладающих навыками, необходимыми для преодоления трудностей жизни в незнакомом городе⁹.

Рассмотрим психологический аспект перемещения. Сама по себе миграция отнюдь не обязательно влечет за собой ухудшение состояния психического здоровья. Благополучие мигранта зависит главным образом от того, насколько он адаптирован к изменениям, вызванным переселением, является ли среда обитания безопасной и здоровой, имеет ли он возможность вести про-

дуктивную, содержательную жизнь, удалось ли ему интегрироваться в новое культурное окружение¹⁰.

Многие беженцы покидают родину, спасаясь от различных форм насилия. Данный фактор, включая его физические, психологические и экономические последствия, оказывает существенное влияние на этих людей. Более того, в предшествующий бегству период многие семьи бедствуют из-за разрушения сектора экономической структуры, который был для них источником дохода, или из-за дефицита продуктов питания. Исследователи отмечают повышенную вероятность нарушений в когнитивной и эмоциональной сфере у детей беженцев как следствие экономической депривации¹¹.

Лица, опасаясь политических преследований, ощущают страх и проявляют подозрительность практически ко всем, включая сотрудников официальных органов. Сама по себе процедура регистрации вызывает множество страхов, среди которых самый сильный – принудительные депортации. Специфически воздействует на психику также пребывание в лагере для беженцев¹².

В последнее время все больше исследователей обращают внимание на этническую сторону вынужденной миграции, прежде всего как процесса, существенно изменяющего этнодемографический потенциал стран или регионов. Один из предметов анализа в этом плане – вопрос этнокультурной аккультурации и адаптации мигрантов к условиям жизни в новой стране.

Люди, вынужденные покинуть родину из-за войны или политических преследований, могут ненавидеть политический режим в своем государстве, однако это не предполагает отказ от собственной культуры и готовность к полной ассимиляции в другую культуру. Исследования показали, что люди, эмигрирующие в целях получения образования или в силу экономических причин, ассимилируются довольно легко, в то время как беженцы, как бы «вытолкнутые» политическими катаклизмами, психологически сопротивляются разрыву связей с родиной и ассимилируются гораздо дольше и с большими трудностями¹³.

Для антропологов и психологов аккультурация представляет интерес не только как социально-групповой феномен, но и как феномен индивидуального уровня. Встреча с новой культурой требует от каждого конкретного индивида определенного отношения к этому факту, выработки собственной стратегии адаптации к условиям пребывания в новой среде, что может выражаться в изменении его самоидентификации, ценностных ориентаций, ролевого поведения.

Последствия миграции для индивида определяются, как правило, с помощью таких дефиниций, как «интеграция», «ассимиляция», «сегрегация», «сепаратизм».

С точки зрения английского психолога Дж. Бери, для определения индивидуальных ориентаций

на аккультурацию необходимо выяснить позицию индивида в двух основных вопросах. Первый касается отношения к собственной культуре, ее ценности для индивида и необходимости сохранения и развития его этнокультурной идентичности. Второй направлен на определение отношения индивида к группе контакта: насколько взаимодействие с членами этой группы ценно и желательно для индивида, настолько охотно он будет поддерживать межкультурные отношения.

Антрополог Р. Мендоза обратил внимание на то, что в отношении разных объектов у мигранта могут проявляться разные аккультурационные стратегии. Так, он отмечал, что мигрант может проявлять сепаратистские ориентации в отношении женитьбы, ассимиляционные тенденции в отношении одежды и, скажем, интеграционные – в плане еды или различных праздников. Наконец, наличие определенной аккультурационной стратегии у респондента вовсе не означает ее реального воплощения в жизнь или даже осознания респондентом ее воплощения¹⁴.

Часто «охранительная» позиция взрослых беженцев значительно затрудняет для детей вынужденных мигрантов формирование наиболее адаптивных реакций посредничества или перехода. Интересно, что афганцы-родители нередко отрицают существование аккультурационных проблем у своих детей. Опыт консультирования семей из Афганистана подтверждает преимущественно «экстернальную» оценку родителями поведения и эмоций детей¹⁵. Сюда же можно отнести проблему трансформации традиционных семейных отношений. Исследование З.М. Долаковой показало, что семейный уклад модернизируется только в случае, если мигранты изначально оказываются в более эмансипированном по сравнению с их родиной обществе. В случае же перемещения в схожую социокультурную среду или, например, при внутреннем перемещении, как правило, (хотя, конечно, есть масса исключений) традиционный уклад сохраняется в полном объеме и в редких случаях может даже радикализироваться¹⁶.

Таким образом, в исследованиях нашли весьма широкое отражение самые различные аспекты вынужденного перемещения. Попытка интеграции данных достижений позволила сделать следующие выводы.

1. При анализе ситуации перемещения необходимо воздерживаться от методологической односторонности. Беженцы и вынужденные мигранты должны рассматриваться одновременно как активная и пассивная стороны, как объекты и субъекты конфликта, вызвавшего перемещение.

2. Построение типологической структуры перемещенных лиц невозможно без последовательного рассмотрения их базовых и приобретенных стратегий жизнеобеспечения, этнопсихологических типов, социальной структуры сообщества, ассимилятивного потенциала местного населения, толкающих и притягивающих миграцию факторов.

3. В свою очередь, правильное определение типологической принадлежности мигрантов позволяет успешнее координировать их адаптационный и интегративный процессы. Подобное определение, выполненное по совокупности большинства параметров анализа, поможет выявить недостающую информацию о мигрантах.

¹ См.: Прус Е. Миграционный прирост в Беларуси составил 4650 человек [Электронный ресурс]. 2008. Режим доступа: <http://news.tut.by/122116.html>. Дата доступа: 27.11.2008.

² См.: Конвенция о статусе беженцев (28 июля 1951 г.) // Популярная библиотека прав человека. Мн., 2000. Вып. 5. Права человека и беженцы. С. 19–29; Иванов Д. В. Беженцы в современном международном праве. М., 2006.

³ См.: Wimmer A. Methodological Nationalism, the Social Sciences, and the Study of Migration: An Essay in Historical Epistemology // International Migration Review. 2003. Vol. 37. P. 576–609.

⁴ См.: Sorensen R. B. IDPs: an anthropological perspective // Response strategies of the internally displaced: changing the humanitarian lens. Oslo, 2001. P. 6–8.

⁵ См.: Алексеенок А. А. Социальная адаптация беженцев и вынужденных переселенцев в условиях преобразования современного российского общества: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Тула, 2006. С. 14–15.

⁶ Там же. С. 10–11.

⁷ См.: Положение беженцев в мире 1997–1998. Перемещенные лица – гуманитарная проблема. М., 1998. С. 74.

⁸ См.: Валитов В. Н. Социальные сети беженцев и лиц, ищущих убежище из Афганистана и Ирака // Психология беженцев и вынужденных переселенцев: Опыт исслед. и практ. работы: Сб. ст. / Под ред. Г. У. Солдатовой. М., 2001. С. 177–182.

⁹ См.: Положение беженцев... С. 61–63.

¹⁰ См.: Охрана психического здоровья в мире. Проблемы и приоритеты в развивающихся странах. Киев, 2001. С. 249.

¹¹ Там же. С. 254–255.

¹² Там же. С. 256.

¹³ См.: Шарова О. Д. Стратегии поведения детей вынужденных мигрантов в ситуации межкультурного взаимодействия // Психология беженцев и вынужденных переселенцев: Опыт исслед. и практ. работы: Сб. ст. / Под ред. Г. У. Солдатовой. М., 2001. С. 103.

¹⁴ См.: Павленко В. Н. Аккультурационные стратегии и модели трансформации идентичности у мигрантов // Там же. С. 25–31.

¹⁵ См.: Шарова О. Д. Указ соч. С. 107–110.

¹⁶ См.: Долакова З. М. Влияние межэтнического конфликта на ролевую структуру традиционной семьи: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006.

Поступила в редакцию 24.11.08.

Степан Андреевич Стурейко – аспирант кафедры этнологии, этнографии, музеологии и истории искусств. Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии, этнографии, музеологии и истории искусств В. И. Медяник.